

ИНТЕРВЬЮ

Погоду в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) всегда делали два основных игрока — США и Китай. До *поворота на Восток*, отправной точкой которого называют то саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке, то визит В. Путина в Китай в мае 2014 г., политика России в АТР не была особенно активной. Однако ухудшение отношений с западными странами в контексте российско-украинского кризиса и экономические санкции, введенные против России, сделали смену курса жизненной необходимостью. При этом политическое решение играть более заметную роль в сложном регионе, интеграционные структуры которого начали формироваться много лет назад, при отсутствии четкого понимания происходящих в нем процессов на практике может оказаться непростой задачей для большинства чиновников.

Серию материалов, посвященных хитросплетениям азиатско-тихоокеанской интеграции, публикуемых в этом номере, открывает интервью главному редактору *Индекса Безопасности* О. Мостинской заместителя министра экономического развития Российской Федерации С. Воскресенского.

Станислав Воскресенский:

«НИКАКОГО ПОВОРОТА НА ВОСТОК НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ»

— **Достаточно традиционный вопрос, поворот на Восток — ответ на кризис в отношениях с Западом?**

— Никакого *поворота на Восток* на самом деле нет. Если уйти в историю вопроса, еще при подготовке российского председательства в саммите АТЭС в 2012 г. мы очень внимательно подошли к восточному измерению экономической политики. Стало очевидно, что мы должны уделять работе на этом треке существен-

И
Н
Т
Е
Р
Ь
Ю

но больше внимания, более системно выстраивать работу. Откровенно говоря, уже тогда было понятно, что в какой-то степени время упущено: все наши конкуренты — другие крупнейшие экономики — уже давно на Востоке, я имею в виду не только Китай, но и другие страны. Да, и цифры говорят сами за себя: в прошлом году Китай стал первой экономикой в мире по паритету покупательной способности. Если посмотреть на блок АСЕАН, то последние 15 лет он растет темпами больше 5% в год. Растет средний класс, растут возможности для российских товаров, для российских инвестиций, поэтому было бы просто безответственно этим не воспользоваться.

Так что, отвечая на вопрос *если бы не было этого внешнеполитического недопонимания с Западом, была бы у нас такая активная повестка на Востоке*, скажу: да, была бы. Кстати говоря, если посмотреть по наплыву инвестиций из стран АТР за последние лет 5–7, будет видно, что на самом деле разворот на Восток, пусть и не публично, начался уже тогда. Речь идет о расширении связей и с Китаем, и с Японией, и с Южной Кореей, и с Индонезией.

— Однако российско-китайская Межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству была создана только в 2014 г.

— Действительно, чтобы вывести наши взаимоотношения на качественно новый уровень, президент В. Путин и председатель Си приняли решение, что нужна новая комиссия очень высокого уровня. С нашей стороны ее возглавил первый вице-премьер И. Шувалов, со стороны китайской — Чжан Гаоли, который является единственным, кроме премьера, членом Постоянного комитета ЦК, а это высший орган управления в китайской политической системе, то есть лицо очень влиятельное.

Чтобы вывести на качественно новый уровень наши взаимоотношения в инвестиционной сфере, мы и создали эту комиссию. Она не только помогает случиться конкретным инвестпроектам, но и призвана снимать системные барьеры в нашем инвестиционном сотрудничестве. Кстати, одним из первых ее решений было устранение двойного налогообложения при выплате процентов. Соответствующий протокол уже подписан, сейчас дело за ратификацией. При выплате процентов от российских компаний китайским банкам эти проценты не будут облагаться налогами в России, как и в том случае, если проценты будут выплачиваться из Китая российским банкам или компаниям.

Комиссия создана, чтобы укрепить взаимодействие, в том числе активизировать бизнес-контакты. Потому что, откровенно говоря, присутствие наших компаний в АТР в последние годы было достаточно слабым. Это легко объяснимо. Вопрос, почему в предыдущие десятилетия правительство уделяло так мало внимания *восточной повестке*, нам задают часто. Под правительством я не имею в виду МИД — безусловно, МИД это направление добросовестно *отрабатывал*. А связано это было вот с чем: у нас на повестке достаточно приоритетными были вопросы взаимодействия с крупными партнерами на Западе и решение задач на этом направлении. Имею в виду в первую очередь присоединение России к ВТО, которое *отъедало* прилично сил и времени

у финансово-экономического блока правительства. Второе — это различные форматы взаимодействия с Евросоюзом: и в области энергетики, и в плане проработки инициативы нашего президента о создании единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока велись вполне серьезные дискуссии, которые, конечно же, отнимали время и ресурсы. Сейчас, действительно, часть ресурсов перекинута на восточное направление, но это скорее закономерность.

— В чем заключается экономическая стратегия России в АТР?

— Наша стратегия очень проста. Во-первых, надо обеспечить вывод на рынки АТР тех российских товаров и услуг, которые уже производятся в российской экономике. Во-вторых, развивать инфраструктуру для поддержки бизнес-контактов и инвестиций из России в страны АТР и из стран АТР в Россию. В-третьих, и тут, кстати говоря, движение уже началось, активно снимать системные барьеры для движения товаров путем заключения соглашений о зонах свободной торговли. Очень показательно, что первое соглашение о зоне свободной торговли в истории Евразийского экономического союза было заключено с одной из стран АТР, с Вьетнамом. Думаю, будут и другие соглашения со странами АТР, такие консультации на экспертном уровне ведутся.

— Говоря о развитии инфраструктуры, нельзя не спросить: наша цель — АТР или Китай? Если АТР, то почему зачастую она заканчивается не морскими портами, откуда было бы намного проще диверсифицировать поставки, а границей с Китаем?

— Китай — крупнейшая экономика этого макрорегиона, но отношениями с Китаем все не ограничивается. Что касается инфраструктуры, есть совместные проекты с рядом партнеров из АТР, они находятся на разных этапах проработки. Это порт Зарубино, который выгоден как Китаю, так и другим странам АТР, так как он позволит разгрузить транспортные пробки в макрорегионе. Коллеги, занимающиеся Дальним Востоком, активно работают над развитием свободного порта Владивосток, привлекая партнеров из самых разных стран АТР. Если перейти к энергетике, можно вспомнить энергомоет Сахалин–Япония — давний проект, правильнее, может быть, называть его прожектором, так как пока еще не просчитано ТЭО, но тем не менее. Инфраструктурных проектов хватает, хотя, безусловно, многие из них предполагается реализовывать с Китаем, в том числе в рамках нового мегапроекта сопряжения Евразийского союза и Шелкового пути.

— А другие азиатские партнеры, помимо Китая, готовы участвовать в финансировании этих проектов? Например, Япония?

— По моим наблюдениям Азии свойственен прагматизм. Там меньше говорят о ценностях и больше — о реальных возможностях и реальных интересах. Поэтому мы видим, что если проекты интересны нашим партнерам-инвесторам, они в них участвуют. Если нет — не участвуют. Здесь все просто, и не надо

искать черную кошку в темной комнате, особенно если эта черная кошка — плохой инвестиционный проект.

— В своем последнем выступлении на Генассамблее президент Си Цзиньпин много говорил как раз о ценностях. Хотя китайцы часто говорят то, что их партнерам хочется услышать.

— Могу только ответить цитатой из Лао Цзы: «Кто знает, тот молчит, кто не знает, тот говорит».

— Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути принималось с большой помпой, но затем Китай подписал аналогичные документы с Казахстаном, Таджикистаном, Белоруссией. Россия для Китая — ключевой партнер, или Китай воспринимает все страны, через которые пройдет Шелковый путь, как равнозначные?

— Надо понимать: у каждой страны, у каждого лидера есть свои национальные интересы, которые он прагматично отстаивает. Возможно, китайским партнерам удобнее было бы работать с каждой страной по-отдельности, но суть совместного заявления, которое было принято 8 мая, очень проста. Поскольку у нас есть Евразийский союз, интеграционный проект с нашими партнерами, а у Китайской Республики — проект *Экономический пояс Шелкового пути*, который перекликается с нашими планами и амбициями в евразийском макрорегионе, мы предложили китайским партнерам рассматривать системное взаимодействие именно в рамках Евразийского союза.

На практике это означает, что будет, безусловно, и двусторонняя повестка — российско-китайская, казахстанско-китайская, белорусско-китайская, но определять общие принципы взаимодействия, регулирования, работы таможи, заниматься реализацией мегапроектов в инфраструктуре на этом самом евразийском пространстве нужно вместе. Именно об этом говорится в совместном заявлении. Координация взаимодействия с Китаем, безусловно, отвечает интересам всех партнеров по Евразийскому союзу.

— Многие эксперты воспринимают достигнутую договоренность как своего рода раздел сфер ответственности, в котором Китай обеспечивает экономическую составляющую, а Россия отвечает за безопасность в регионе. Но нет ли вероятности, что в какой-то момент Китай начнет оспаривать роль России и стремиться самостоятельно защищать свои весьма солидные инвестиции? Это ослабило бы влияние России в регионе?

История отношений очень богатая. Были непростые времена, были периоды дружбы, а при В. Путине и Си Цзиньпине отношения вышли на совершенно новый уровень взаимопонимания.

Говоря конкретно об этом проекте, у нас есть задача, которую очень ясно сформулировал президент, — обеспечить диверсификацию и высокие темпы

роста экономики России. Чтобы этого добиться, есть достаточно стандартный рецепт — это улучшение инвестклимата, инвестиции в инфраструктуру, снятие барьеров в торговле для обеспечения доступа наших товаров на внешние рынки. Так вот, интеграционный проект Евразийского союза — как раз про снятие барьеров, и уже есть результаты, которые отражаются в международных рейтингах. Вчера был опубликован доклад Всемирного экономического форума, и по конкурентоспособности и условиям ведения бизнеса Россия вошла в топ-50 стран.

Иначе говоря, мы продвигаем свою внутреннюю повестку. В восточных единоборствах учат пользоваться энергией партнера, чтобы добиваться собственных целей. Так же и с *Шелковым путем*, который подразумевает существенные инвестиции в инфраструктуру, которые очень нужны для беспрепятственного движения товаров на всем евразийском пространстве. Хотел бы особо подчеркнуть, что этот проект перекликается с нашими внутренними целями. Именно поэтому мы считаем важной реализацию совместных инфраструктурных проектов, которые безусловно будут способствовать экономическому росту северо-западных районов Китая, но в то же время помогут и нам с рабочими местами, с экономическим ростом, и, что еще важно, в получении выгоды от использования российского транзитного потенциала. Об этом много говорилось, и вот, наконец, дошло до дела.

— *Объявлено о конце переговоров по соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Как это соглашение отразится на нашей политике в АТР?*

— Пока уместны лишь предварительные оценки.

Страны ТТП составляют 36% мирового ВВП, 23,9% мирового экспорта и 26,7% мирового импорта товаров и услуг, в них проживает более 800 млн чел. Соглашение о ТТП состоит из 30 глав и охватывает беспрецедентное количество вопросов торговой повестки. Некоторые из них впервые в истории рассматриваются в рамках торговых соглашений (например, патентная защита биопрепаратов). ТТП не только регулирует сферу международной торговли товарами и услугами (доступ на рынки), перемещение капиталов и рабочей силы, но и предписывает правила внутреннего регулирования в странах-участницах в таких областях, как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность.

ТТП стало одним из главных результатов политики США по закреплению условий работы американских компаний в АТР. США фактически заложили в новое многостороннее соглашение те нормы, которые до этого отрабатывались ими в других соглашениях о свободной торговле.

Для нас в любом случае важно наращивать, активизировать поддержку российского несырьевого экспорта, активнее заключать соглашения о зонах свободной торговли со странами АТР, продвигать проекты российских интересов в АТЭС и АСЕАН.

Важно отметить потенциальные возможности опосредованного использования ряда преференций, полученных участниками ТТП, за счет имеющегося потенциала уже сформированной зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом, являющимся членом ТТП. Развитие промышленной кооперации (например, в автомобильной промышленности) при определенном уровне локализации, отвечающем правилам происхождения в ТТП, может стимулировать встраивание российской продукции в цепочки добавленной стоимости в рамках ТТП.

Более содержательно ответить на ваш вопрос можно будет после тщательного анализа текста соглашения. 🐘